

**ТЫ МОЖЕШЬ ОСТАНОВИТЬ
ЭТО В ЛЮБОЙ МОМЕНТ...**

СКАЖИ:

"УБЕЙ МЕНЯ"

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 #1

ШОРТ-ЛИСТ

Литрес

Джей Ви Райтс

Джей Ви Райтс
Скажи: «Убей меня»

«Автор»

2021

Райтс Д.

Скажи: «Убей меня» / Д. Райтс — «Автор», 2021

В городе орудует серийный убийца, одержимый идеей, что выполняет благородную миссию. Он стремится к совершенству в своем деле, чтобы наконец достичь настоящего удовлетворения. Художнице Линде, которая долгое время не может найти место под солнцем, наконец улыбается удача: появляются заказы, молодой человек, к которому она давно неровно дышит, проявляет ответный интерес, а состоятельный мужчина, с которым она знакомится в баре, предлагает свою поддержку. И все бы ничего, но на деле надежды оказываются бумажными, одна за другой исчезая в пламени злого рока. Заказчица безвестно испаряется, а отец-следователь, обычно нейтральный к ее похождениям, практически запирает девушку дома, предостерегая о серьезной опасности. Неужели угроза настолько существенна, что нужно жертвовать и перспективами в карьере, и только зародившимися отношениями? Тем временем маньяк присматривается к новой жертве. Может быть, в этот раз все получится так, как он мечтал?

© Райтс Д., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джей Ви Райтс

Скажи: «Убей меня»

Глава 1

Пятница, 19 июня 2020 года, 23:45,

Город N, Улица Восхода

Мужчина наблюдает за бордовыми каплями, застывшими на поверхности стекла, которые упорно не желают скатываться вниз. Затем снова поворачивает бокал и слегка встряхивает в попытке смыть все до единой в небольшое красное озеро на дне. Рука нервно вздрагивает, и часть жидкости выплескивается на стол. Абсолютно без толку. Неудивительно, что все складывается не так, как хотелось бы, если он не может справиться даже с такой ерундой...

В комнате пахнет сандалом и виноградом «изабелла». Рядом в полумраке мерно потрескивает электрокамин. Этот звук немного успокаивает. Мужчина поворачивает голову и окидывает взглядом комнату, убеждаясь, что все находится на своих местах. Напротив письменного стола располагается книжный шкаф во всю стену, заполненный художественной литературой, книгами о дизайне и компьютерных технологиях. Все они выстроены в идеально ровные ряды. Да и остальные вещи в помещении находятся в таком безукоризненном порядке, что, глядя на них, так и хочется дать команду «вольно». Тот случай, когда чистота настолько чрезмерна, что больше не расслабляет, не помогает задыхаться свободнее, а, напротив, создает какое-то дополнительное напряжение, и вздохнуть становится страшно. Кажется, одно дуновение может превратить результат всех приложенных усилий в руины.

У соседней стены находится небольшой бар и барная стойка. Именно отсюда мужчина придирчиво рассматривает интерьер, теребя пальцами каштановые пряди на макушке.

– Егор Александрович, вы сегодня поздно.

Он оборачивается на звук и почти сразу прячет глаза. Фигура молодой женщины в деловом костюме приближается к барной стойке и черной бабочкой приземляется на соседний высокий стул, мягко складывая крылышки. Смоляные волосы собраны в тугий пучок и залакированы до блеска. Они выгодно оттеняют светлую кожу, буквально фосфоресцирующую в полумраке. На вздернутый острый нос, придающий хозяйке несколько горделивый вид, сдвинуты очки в тонкой оправе. Кажется, этот аксессуар призван хоть немного исправить ситуацию, сдерживая бессовестное сияние ее юного и, по мнению Егора, слишком уж серьезного лица.

Хотя, в этом деловитом и холодном выражении есть свои плюсы. Оно лучше той игривой улыбки, которая касается губ Софьи, стоит ему отвлечься от разговора на секунду, а потом ответить невпопад. Вот тогда приходится отворачиваться, скрывая горящие щеки. Прямо влюбленный школьник, который сделал ошибку перед всегда сосредоточенной и безупречной учительницей... Ему, состоявшемуся, успешному мужчине, в свои тридцать восемь сгорать от смущения перед девчонкой на четырнадцать лет младше... Нет уж, лучше пусть она совсем не улыбается, даже если эта холодная серьезность будет единственной альтернативой.

Он приучил себя замечать помощницу только краем глаза, изо всех сил стараясь не смотреть ей в лицо. Эта женщина слишком хороша, чтобы можно было вот так в открытую глазеть и ничего не испытывать. Но позволь он себе подобное, все сразу же стало бы безнадежно испорчено. Он не смог бы работать с ней дальше. Это стало бы огромной потерей. А на ее месте Егор не может даже вообразить другую женщину, и уж тем более мужчину. Нет, он ничего не имеет против мужчин. В некотором роде, это было бы легче...

Но дело в том, что планирование его расписания, проверка документов и прочая мишура – это далеко не самая значимая часть работы, которую Софья выполняет для него. Разве можно доверить какому-то гормонально нестабильному самцу присматривать за его маленьким сокровищем, шестилетним кудрявым ангелом Кирой, пока Егор в очередной раз теряет счет времени, утопая в рабочей пучине? Разве кто-то другой может так же терпеливо выслушивать тягостные мысли и сомнения, роящиеся в его голове? Выдерживать эти долгие паузы и так чутко улавливать миллисекунду, в которую приходит время ответить? И главное, кто стал бы ждать его в эту ночь вот так безропотно, несмотря на усталость?

Взгляд случайно цепляется за расстегнутую верхнюю пуговицу блузки, единственную небрежную деталь ее образа. Но Егор не позволяет себе заикнуться, усилием воли топя все всплывающие перед глазами картинки в скудных остатках содержимого бокала.

– Софья, еще не спишь? – спрашивает он, пытаясь заставить свой голос звучать максимально расслабленно.

– Да, только что удалось уложить Киру. Она отказывалась засыпать, пока вы не придете. Но в конце концов ее все же разморило, – отвечает она и расслабляет плечи, позволив своей осанке стать менее идеальной. Это движение знаменует собой окончание рабочего дня.

– Прости, из-за меня тебе приходится работать вдвое больше, – произносит Егор, одновременно с досадой и сочувствием.

– Все в порядке. Мне ведь и платят вдвое больше, чем обычному менеджеру.

Софья кокетливо улыбается, заставляя Егора уставиться в другой угол комнаты. Сегодня она ведет себя как-то слишком тепло. Видимо, действительно, очень устала.

– Выпьешь со мной немного, раз уж не спишь? – предлагает он, лишь на долю секунды взглянув на нее.

– Если только полбокальчика.

Она слегка наклоняет голову, пожимает плечами и опускает уголки красных губ. Егор достает второй бокал и наливает ровно половину, несколько раз прерываясь и опускаясь так, чтобы глаза находились на уровне жидкости. Половина, так и есть, ошибки быть не может.

– Что-то особое заставило вас сегодня так сильно задержаться? – спрашивает Софья и поворачивает голову к нему, заинтересованно нахмутив брови. Пока Егор думает, как лучше выразить мысль, она ждет ответа без малейшего раздражения. Надо же, никакого укора, она искренне хочет знать ответ.

– Да. Она до последнего не просила о помощи. Практически до самого момента родов. Это сводит меня с ума, заставляя думать, что я все-таки что-то упускаю. Только вот что? – объясняет он, усаживаясь обратно на стул, и подушечками пальцев потирает голову с обеих сторон.

– Человеческая жизнь полна самых разнообразных страданий. Разве здесь можно уловить каждую деталь? – говорит Софья, мечтательно взмывая взглядом куда-то вправо и вверх.

После пары глотков вина, вопреки усталости, в ее глазах появляются влажные блики наслаждения.

– Я хотел бы хотя бы уловить все главные...

Мужчина допивает остаток вина в бокале, встает, подходит к письменному столу, достает из ящика толстый ежедневник в коричневом переплете, надевает очки для чтения, включает лампу и что-то аккуратно записывает. Фразы располагаются одна под другой, формируя ровный столбик. Закончив писать, еще несколько секунд он разглядывает получившийся текст, вздыхает, затем кладет дневник на место и запирает ящик на ключ.

Глава 2

*Суббота, 20 июня 2020 года, 6:27,
Город N, Улица Восхода*

Поднимаясь по лестнице, ведущей к двери собственного дома, Егор понимает, что ступени под ногами ощущаются не как обычно, хотя точно пока не может объяснить, в чем дело. Лай пятерых ротвейлеров во дворе становится все приглушеннее, будто доносится сквозь толщу воды. Неожиданно следующая ступень оказывается скользкой и округлой, носок ботинка соскакивает и застревает в узком углублении под ней. Мужчина упирается коленом в сырую древесину, больно ударяясь чашечкой.

Фонари уличного освещения начинают мигать и потрескивать, внезапно раздается громкий хлопок – один из них взрывается, а следом еще один. Воздух наливается бордовым оттенком гнущего в темноте заката. Пространство позади него сгущается, сжимается, давит. Становится трудно вдохнуть. Вокруг скапливается плотная серая пыль, она оседает в легких и скрипит на зубах.

Больше не смотреть назад. Нужно зайти в дом и запереть все двери. Но встать никак не получается, и вот пяток уже касается холодное дыхание кромешной тьмы, а входная дверь начинает отдаляться, в конце концов полностью исчезая из виду.

Егор опирается на руки и с усилием вытягивает ногу из деревянного капкана, а дальше уже получается передвигаться только на четвереньках. Ему еле удается разглядеть, как лестница впереди превращается в гору из бревен и становится бесконечной, но другого пути нет, поэтому он хватается за выступы и обрубленные сучья руками, подтягиваясь, отталкивается пятками и коленями, надрывая ткань брюк и царапая кожу.

Внезапно чья-то скользкая, холодная плоть касается его запястья и пытается обхватить. Егор резко отдергивает руку и обнаруживает, что то тут, то там между бревен вырастают человеческие конечности. Некоторые из них, абсолютно обескровленные, усыпаны темно-серыми пятнами, с признаками разложения. Другие, только начинающие терять жизненное тепло, покрыты кровоподтеками, порезами и ссадинами.

До ушей доносятся стонущие голоса. Они просят о помощи на разный лад. Высокие, пронзительные заставляют кожу похолодеть и покрыться по всей поверхности острыми пирамидками мурашек, низкие, протяжные оседают тяжестью в животе и расплываются разрывающей болью по всей брюшине.

Егор ползет дальше, отбиваясь от наглых прикосновений и стараясь наступать на свободные участки древесины, которых становится все меньше. И вот он уже чувствует, как под ногами хрустят, ломаясь, человеческие кости, а под ладонями полуразложившаяся плоть надувается, лопается с противным писком и растекается, покрывая бревна зловонной густой слизью.

Двигаться вверх становится все тяжелее. Теперь впереди виднеется несколько крупных бревен, срезы которых обращены к мужчине. Когда Егор приближается, он снова отчетливо слышит рыдающее «помоги мне, освободи меня», а на срезах проступают черты искривленных в страданиях человеческих лиц. Но стоит ему миновать их и обернуться, лица снова замирают в неестественной улыбке, будто нет больше смысла показывать свои терзания. И все же голоса не умолкают.

Они давят на барабанные перепонки и заполняют собой черепную коробку, все существующее пространство, все бытие, становясь невыносимыми. В этот момент в правую ладонь упирается торчащий в одном из бревен нож.

Егор без раздумий вытаскивает лезвие из древесины, крепко обхватывает рукоятку и с ревом отчаяния вонзает на всю длину в вопящее лицо перед ним, протыкая глазное яблоко. Из образовавшейся дыры принимается бить темно-багровый кровавый ключ, а затем с губ слетает вздох облегчения и неожиданное, постепенно тающее в воздухе «спасибо». Испуская остатки жизненной жидкости, лицо сдувается, как воздушный шарик, и его очертания растворяются, снова преобразуясь в древесный рисунок. Надоедливый крик о помощи исчезает вместе с ним.

Найдя решение, Егор продолжает ползти на четвереньках и вонзать нож в человеческие лица, руки и ноги. Все они возвращаются к состоянию безмятежного дерева. Хотя с каждым ударом и приходится наблюдать отвратительное зрелище, последние выдохи благодарности успокаивают и ласкают слух.

Вот впереди виднеется лазурное свечение, мрак рассеивается, открывая вид на безупречно синее небо. Несколько круглых солнечных бликов медленно спускаются сверху. От них исходит осязаемое тепло. Один приземляется прямо на щеку горячим прикосновением, растягивается по правой скуле и задерживается вверху виска...

– Папа, ты уже не спишь? – тихонько спрашивает малышка своим тоненьким голосом, а ее крошечная ручка треплет тронутые сединой волосы на виске.

Егор вздрагивает от удивления и начинает постепенно возвращаться в реальный мир. Испуганно хлопает ресницами. Зрению возвращается четкость, и он расплывается в умиленной улыбке, видя русоволосое глазастое чудо перед собой. Быстро собирается с мыслями.

– Ага, догадалась, что я притворялся?

Теперь он проснулся окончательно и готов к игре. Когда он ловко проводит девочке вдоль ребер пальцами, та ежится и заливается звонким смехом, а потом прижимает к его губам порозовевшую щечку.

– Не дождалась меня вчера?

– Софи сказала не ждать, – по-деловому отвечает Кира.

Она морщит носик, не без удовольствия произнося уже ставшее родным имя на французский манер. Вдруг ее серо-голубые глаза расширяются и подсвечиваются восторженным огоньком вчерашнего воспоминания. Губки раскрываются для глубокого вдоха.

– А, а знаешь, что мы делали вчера вечером? – сбивчиво тараторит малышка. Ее глаза хитро сужаются, и она выжидает признаков ответной заинтересованности.

– Что же?

– Мы играли! Играли с собаками во дворе. Я даже научила Дану команде сидеть. Вот так. Малышка спрыгивает с кровати, опускается на корточки и неуклюже переваливается на попу, мягко поднимая согнутую в собачьем жесте ручку.

– Только не говори мне, что Софья разрешила тебе подходить близко к вольеру!

Отец смотрит скорее с фальшивым укором, нежели с настоящим беспокойством.

– Нет-нет! Я их учила вот так далеко, – отрицает кроха, старательно мотает головой и пытается показать руками расстояние. – Они не могли до меня дотянуться, папа.

В теплом взгляде Егора отражается детское личико, которое сначала приобретает задумчивое, а потом печальное выражение.

– Но папа. Когда я смогу играть с другими детьми? Мне так хочется поиграть еще с кем-нибудь. С Софи, конечно, весело. И с собачками тоже, но...

– Милая моя девочка, – вкрадчиво начинает объяснять Егор, приподнимается и садится на край кровати, усаживая дочку к себе на колени. – Ты ведь знаешь, что для тебя это опасно. У тебя слабое здоровье. Ты же не хочешь чем-нибудь заразиться, а потом лежать в больнице и грустить одна?

Его палец аккуратно нажимает на кукольный носик. Кира только вертит головой, поджимая губки. Глаза, увлажнившиеся от расстройства, начинают бегать из угла в угол.

– А ты знаешь, что сегодня утром я совершенно свободен? – неловко цедит сквозь зубы Егор, потирая пальцами подбородок. Ему совсем не хочется видеть в этих глазах слезы, да еще и с самого раннего утра. – И, представляешь, почти целый день, до самого вечера могу посвящать только тебе. Что же нам сделать интересного? Хмн... А помнишь, мы вместе собирались приготовить шоколадный торт?

Кира радостно кивает. Шумно сопит и трет кулачками веки, сразу же забыв, что только что собиралась разреваться.

– Тогда пойдем. Пойдем скорее!

Малышка вскакивает и нетерпеливо тянет отца за руку, а тот послушно следует за ней.

Глава 3

*Суббота, 20 июня 2020 года, 20:50,
Город N, Чеховский переулок*

Девушка изо всех сил пыталась вытерпеть нарушаемую причмокиваниями тишину и нервно елозила на стуле в гостиной, но в итоге все же не сдержалась.

– Паааап, что читаешь? Ставлю штукарь, что про какого-нибудь очередного убийцу? – засунув за щеку жвачку, проговорила она.

– А кто сказал, что собирается с тобой спорить на деньги? – возразил мужчина, почесав щетинистую щеку.

На вид ему было лет сорок пять, от силы пятьдесят. Мятая рубашка и легкая небри-тость говорили о том, что его мало заботил внешний вид, по крайней мере, в этот момент. Но волосы были чистыми, от мужчины исходил тонкий свежий аромат выстиранных вещей, который выдавал в нем внутренне благородного и глубоко женатого человека.

– Значит, угадала! Ну, расскажи хоть про это, а то я от скуки умираю. – Девушка вско-чила, подбежала и села рядом на корточки, схватившись руками за подлокотник кресла. Ее глаза выражали что-то вроде надежды на глоток прохладной воды в жару.

– И вовсе не угадала. Не просто про *какого-нибудь* убийцу, а про вполне реального и очень любопытного маньяка. Вот смотри. – Он ткнул пальцем в самый верхний лист из толстой стопки бумаг. – Этот затейник умудрился вовлечь в свою игру молодого парня, совершил два кровавых преступления на его глазах. Ему одному известно, какими манипуляциями подоб-ного можно было добиться, но они прожили вместе почти месяц в загородном доме, а пар-нишка даже и не делал попыток убежать. Судя по заключению, у того в итоге совсем поехала крыша, и ему светит ни один год в психбольнице, если не вся жизнь.

– Ого! Вот это трэш! – удивленно выпалила девушка, роняя нижнюю челюсть и вместе с ней жвачку изо рта. – Знаешь, пап, мне кажется, тебе надо не копом быть, а психотерапевтом. Мало того, что ты на работе ловишь всяких шизиков, так еще и в свободное время изучаешь их с удовольствием. А в лечебнице, думаю, будет побольше занимательных вариантов... – Моло-дая особа издевательски хихикнула.

– То есть ты хочешь сказать, что в психушке место для меня более подходящее? Не копом, значит? – полюбопытствовал отец и усмехнулся несколько обиженно. – Ну, во-первых, я следо-ватель. Не позорь меня, дочь, своими иностранными обзывательствами. А во-вторых, в нашей профессии нельзя позволить себе такое удовольствие, как свободное время. Нужно держать мозги в тонусе. Когда твоя работа действительно серьезная, то ты думаешь о ней и в душе, и во время обеда, если, конечно, успеваешь обедать, и даже во сне. Я не должен слишком расслабляться... Это для следователя значило бы добровольно согласиться потерять хватку, застыть на месте, начать деградировать, – он вдруг начал разговаривать эмоциональнее, взма-хивая руками, а обилие синонимов в речи означало крайнюю заинтересованность в том, чтобы донести информацию максимально понятно. – Никто не знает, какая деталь раскрытого дела из архива может привести к зацепке в текущем или вывести из тупика одно из последующих. Видишь ли, таких примеров масса и у меня в закромах, и у других следователей, – пояснил он и на пару секунд ушел в себя. – Ладно, Линда, иди в свою комнату. Не мешай. Лучше работу пощи. А то скучно ей! Сделай что-нибудь полезное, – спешно добавил он и легонько щелкнул дочь по лбу.

– Да не берут меня нигде. Везде опыт нужен, – обиженно пробурчала Линда, растягивая пальцами подобранную с пола жвачку.

– Так наберись его!

– Пфф...

Линда только возмущенно выпустила струйку воздуха через уголок рта и закатила глаза, вставая и направляясь к двери.

«Поговорили, называется. Он вообще меня когда-нибудь слушает? В каком-то своем мире витает. Психопаты, убийцы... А тут у нас обычная жизнь, вообще-то», – пожаловалась она мысленно и обернулась ненадолго, бросив на отца презрительный взгляд, а затем быстро высунула кончик языка.

– Я все вижу, – буркнул он, не отрываясь от чтения.

«Как набраться опыта, если нигде по профессии не берут?» – подумала Линда. Но все же зашла на работный сайт, вернувшись в свою комнату и стала лениво прокручивать объявления.

По окончании университета она честно посетила несколько собеседований, на каждом из которых ей отказали то ли из-за отсутствия опыта, то ли из-за плохо скрываемого выражения отвращения на лице, с которым она отвечала на все вопросы. Совершенно типичная история человека, который выучился на нелюбимую специальность (экономиста, в случае Линды), потому что «это везде пригодится» и «потом сама спасибо скажешь».

Не в меру инфантильная для своих двадцати трех, Линда порой и выглядела, и вела себя, как подросток в пубертатный период, особенно в присутствии отца. Эти глуповатые манеры служили то ли способом привлечь внимание, то ли защитой для чересчур чувствительного сердца художника, которым она обладала. Самой себе она казалась странной, не подходящей для этой куда-то вечно несущейся жизни.

В одной увиденной картинке миллионы оттенков, так же как и в услышанных фразах, и в прочитанных текстах, и в моментах фильмов, и во всем, что ее окружает. Все это требует пристального внимания. Так часто ей казалось, что необходимо какое-то замедление. Когда замечаешь больше, чем другие, то и времени тебе нужно больше, чтобы все замеченное пропустить через себя, прочувствовать, понять, отделить важное от неважного, подумать обо всем и выбрать то, на чем сейчас нужно сосредоточиться. Еще раз посмотреть на отброшенные в сторону мелочи и убедиться, что ни одна из них не пригодится, или, напротив, заметить ту самую, которой не хватало в композиции. И вот тогда довести до конца. Только так получается по-настоящему красиво.

Слишком детальное восприятие всей информации, поступающей извне, слишком много осознанности в одном внутреннем мире, а от окружающих слишком много звуков, оценок и мнений, даже мыслей у них слишком много, все это читается во взглядах, и от этого пухнет голова.

Работать в одиночестве или хотя бы в тишине – неотъемлемое условие хорошего результата, возможности погружения в работу и получения удовлетворения от нее. Офис, спешка, постоянно отвлекающие звуки гаджетов, болтовня сотрудников и посетителей не могли стать для нее ничем иным, как самым настоящим мучением, выжигающим все живое изнутри до невыносимости медленно, но бескомпромиссно, как недостаточно концентрированный раствор соляной кислоты.

Окружающие считали это выкрутасами, роскошью, либо придурью, а со временем такие требования стали казаться чем-то постыдным ей самой. И почему она не может просто быть как все? Противоречия внутренних желаний и ожиданий других, а еще частые бессонные ночи нарисовали на бледном лице прямо под глазами два темных усталых пятна. Длинные русые волосы, некогда переливающиеся на солнце пшеничными бликами, всего за пару лет осознания всей тоски будущей жизни стали такими тусклыми, что делали ее кожу еще более серой и изнеможенной, придавая лицу болезненный вид.

Сначала она верила, что быстро всем докажет, на что способна и как талантлива, поэтому, следуя примеру неординарных личностей, добившихся успеха и вызывающих у нее восхищение, завела блог в соцсети, в котором показывала свои работы. Хотя и редко, у нее появлялись

заказы на арты, портреты по фотографиям, а еще на иллюстрации, стикеры и поздравительные открытки. Такие рисунки помогали блогерам и обычным пользователям придать индивидуальности своим страничкам и почувствовать себя особенными, а также поздравить с праздником особенных людей или выразить свои чувства неожиданным образом.

Однажды начинающий автор заказал у нее серию иллюстраций для детской книги со сказками. Это и были настоящие моменты счастья, когда Линда действительно забывала обо всем, погружалась в мир виртуальных объемов, штрихов и линий, смаковала каждую секунду, выполняя работу с истинным удовольствием и старанием.

В целом клиенты, пусть их было не так много, оставались довольны, дело приносило небольшой доход, ее время от времени рекомендовали знакомым. Но блог развивался очень медленно, и никто из близких не воспринимал такое увлечение всерьез, считая все детской затеей. А художнице-самоучке никогда не хватало смелости настоять на своем. Обо всех ее мысленных лабиринтах знал только личный дневник, который она с любовью вела в гугл документах.

Пару раз она пыталась поделиться переживаниями с единственной близкой подругой Лерой, но, споткнувшись о ее непонимающий взгляд, короткое «угу» и быстрый последующий переход к рассказу про просроченный круассан из соседнего супермаркета, решила оставить эти попытки.

Так Линда занималась любимым творчеством ночами, а когда становилось совсем тоскливо, шла в бар, одна или с подругой, и порой согревала душу жгучими напитками до самого утра.

Вот и сейчас, не найдя ни одного интересного предложения, она с досадой оттолкнула от себя компьютерную мышку так, что та влетела в стену и отскочила обратно, с треском свалившись на пол. Потом художница-неудачница откинулась на диван, который слегка спружинил под ней, и привычно принялась размышлять о том, что в этой жизни надо срочно что-то менять.

В этой небольшой, но светлой комнате, с пожелтевшей настольной лампой, раньше казавшейся местом силы, надежным убежищем от всех невзгод, ей уже не было так уютно. Теперь дом больше походил на клетку, не дающую расправить крылья во весь свой неподражаемый размах.

Вдруг она почувствовала вибрацию под правой ягодицей, дернулась и лениво протиснула руку в задний карман джинсов, выуживая оттуда мобильник.

«Привяю, мать. Твой волк случайно не голоден? Го поохотиться?» – высветилось сообщение на экране.

Иногда Линде хотелось изобрести машину для путешествий во времени и пространстве только для того, чтобы отправить Леру в восьмидесятые или какую-нибудь параллельную гоп-вселенную за подобный подбор слов и понятное только ей самой, особое чувство юмора.

«Мой в полном порядке. А вот что, интересно, раззадорило твоего?»

«Ну... По ходу, Витя закончился. Совсем. Не всралось мне такое отношение... Хочу нажраться... Так что? Через час в “Сытом волке”? Пойдет? Может, и твой Билл Гейтс нари-суется...»

Линда закатила глаза, думая, что с Витей подруга расставалась «насовсем» уже дважды в позапрошлом месяце и трижды «теперь точняк насовсем» в прошлом. Но даже еще одна история неразделенного выбора сериала казалась достойным развлечением на вечер по сравнению с окружающей ее в реальном времени действительностью. Пальцы шустро набрали «ок» и отправили получателю.

Засунув смартфон обратно в карман, Линда перевела взгляд на экран ноутбука и переключила вкладку. Дмитрий «Bill» Билецкий – гласила надпись вверх знакомого профиля

ВК. А с фото на нее смотрел довольно дерзкого вида, но, несомненно, очень привлекательный молодой человек. Его чуть волнистые волосы были убраны вверх со лба. «Волосы цвета кофе», – промелькнуло в голове. При взгляде на Билла ее окутывала аура мечтательности, и все попытки к сопротивлению с грохотом проваливались, утягивая ее за собой глубже в мир грез. Когда это началось? Он стал занимать столько же места в ее голове, как мысли о работе у отца... В душе, во время обеда, даже во сне... Это уж она могла понять. Вдруг повеяло запахом его парфюма.

Линда прикрыла глаза, и понеслось... Ярко-синее летнее небо. Лучи солнца пробиваются сквозь лениво плывущие плотные белые облака. Камера пролетает над горами, вдоль реки, опускается все ниже, позволяя отчетливо разглядеть зеленые ряды кофейных плантаций. Она диктор, начитывающий закадровый текст к рекламе. Что-то наподобие: «Ее возлюбленный, как кофе с молоком – одновременно терпкий и нежный, будоражащий сознание и уютный...» И тут камера крупным планом берет лицо Билла. Он встряхивает своей шикарной шевелюрой, убирает с лица непослушную челку. Другой рукой подносит чашку к губам и с наслаждением делает глоток. А потом произносит: «Ммм, вкусно...»

«Ммм, вкусно?» Серьезно? Она не может сдержать смешок. Откуда все это в ее голове? Да и голос как будто не его... Открывает глаза.

Конечно, не его. Это отец стоит перед ней и, увлеченно наблюдая сцену, жует диетический сырник, один из тех, что она приготовила утром и оставила в холодильнике.

– Ну папа! Я же просила не входить без стука. – Она густо краснеет.

– Просто хотел похвалить твои сырники и подбодрить в поисках работы... Но вижу, ты и сама неплохо справляешься. – Отец разворачивается и выходит, захлопывая за собой дверь.

Линда закрывает лицо ладонями. Как стыдно. Неужели нельзя было просто выйти и сделать вид, что он ничего не видел? Сразу!

Между ней и Биллом не было отношений, по крайней мере таких, чтобы заявить всем, что «это мой парень», а «это моя девушка». Но были такие, чтобы подкалывать друг друга, ревновать и умирать со смеху, переглядываясь в компании, над шуткой, понятной только им, а потом залиться, как дети, пунцовой краской и спрятать глаза. Вполне нормально для друзей детства. Ведь так? Но теперь казалось, что длится это нестерпимую вечность... Особенно нестерпимыми стали последние полгода.

Закончив с ним один факультет, Линда знала – парень, что называют, с мозгами, хотя он и тщательно это скрывал. В отличие от своего туповатого окружения, он всегда выкручивался на экзаменах, даже несмотря на прогулы. Это вызывало подозрения, что на самом деле он тщательно к ним готовился (или все-таки просто все схватывал на лету). «Талантлив, но ленив», – таков был вердикт преподавателей.

Его глаза наливались теплом, когда обращались к ней. Она готова поклясться... В буквальном смысле цвет радужки чуть уловимо менялся. Золотистый огонек разряжал сгустившуюся в них черноту и вмиг крушил обычное выражение надменности. Или ей кажется? Может, это просто забота? Дружеские чувства? Нет... Скорее всего, она тоже нравится ему... Надо только подождать.

Вот только эти плечи, широкие, завораживающими изгибами переходящие в крепкую грудь и следом в узкую вытянутую талию, на фото нарочито подчеркнутую черной тканью рубашки... Эти плечи действительно сводили с ума, и их хотелось коснуться.

«Линда, возьми себя в руки». Наконец заставив себя отвлечься от размышлений, она поспешила выудить из шкафа «выходную» черную майку с пайетками и подкрасить глаза. Как только она взялась за ручку двери, собираясь покинуть комнату, раздался звонок, и уже на пороге в прихожей она столкнулась со своей матерью.

– Не целуй, не целуй, – неразборчиво пробурчала мама и предупреждающе выставила вперед правую ладонь.

– Что опять с лицом сделала? – поинтересовалась Линда, отдергивая руки, и расставила их в стороны, растопырив пальцы, в знак того, что нападать не собирается.

– Уколычики... молодости. Понимаешь... Врач сказал... активная мимика в первые сутки приветствуется, но... вот трогать лицо... пока не желательно, – объяснила она, не переставая гримасничать в перерывах между словами, и покосилась на отца, тоже вышедшего на звук.

– Ботокс что ли? – Наступила короткая пауза. Заметив смущенную реакцию на слово «ботокс», Линда поторопилась распрощаться. Видимо, мама не собиралась говорить это вслух. – Ну понятно, я побежала.

Она чмокнула губами воздух, понимающе кивнула, схватила сумку, скользнула в вечно завязанные кеды и юркнула за дверь, стараясь не задеть мамину вторую молодость.

– Куда она? – на этот раз женщина адресовала вопрос мужу.

Следователь наблюдал всю эту картину, облокотившись на стену и скрестив ноги. Когда жена обратилась к нему, он вздрогнул и осознал, что до сих пор непроизвольно отзеркаливал ее мимику. В качестве ответа на вопрос он только пожал плечами.

Глава 4

*Суббота, 20 июня 2020 года, 23:38,
Город N, бар «Сытый волк»*

В баре «Сытый волк» все было устроено так, чтобы полностью соответствовать потребностям местной публики.

Первое, что ощущал вошедший – то, как кровь ускоряла свое движение по венам, распалаясь и вызывая прилив энергии, благодаря оглушительной ритмичной музыке. Движения становились раскованнее, самооценка возрастала на глазах. Глубокие биты, минуя барабанные перепонки, проникали прямо в голову и выбивали оттуда все мешающие мысли.

Одновременно в нос ударял густой запах дыма кальянов, в котором уже было не отделить один аромат от другого, сначала заставляя поморщиться даже курящих, а потом смириться и отпустить ситуацию, совершенно расслабляясь.

Прямо над барными стойками висели лампочки разнообразных причудливых форм и размеров. Большие и маленькие, круглые, вытянутые, грушевидные и похожие на шишки, они отражали колорит и разношерстность посетителей, так же отчаянно желающих гореть и одновременно таких же хрупких. Интерьер был исполнен в графитовых и темно-красных тонах. Первый словно символизировал полумрак, в котором стирались несовершенства, мешающие многим из проходящих сюда в полной мере наслаждаться дневным светом – от проявляющихся в нем морщинок, синяков, прыщиков, асимметрий и других недостатков внешности до поношенных вещей, выдающих несостоятельность в жизни и, напротив, очень дорогих костюмов, напоминающих о бесконечном «должен». Второй – цвет агрессии, похоти и страсти доставал из глубин содержимого упаковки самые яркие, услаждающие, будоражащие и низменные чувства, ловко защелкивая невидимый капкан на щиколотке входящего и заставляя возвращаться вновь и вновь за новой порцией жизни. Крепкие алкогольные напитки и легкие коктейли с яркими зонтиками, шапками из сливок, засахаренными вишнями, светящимися изнутри в мигающих огоньках танцпола ставили окончательную точку в деле ухода от реальности в мир удовольствий, к идеальному себе.

Линда легко порхнула внутрь, тут же пропитываясь здешней атмосферой, и приземлилась за один из круглых столиков. Не глядя в меню, она подозвала официанта и для начала заказала коктейль пина колада, а потом принялась постукивать пальцами по глянцевой поверхности столешницы, выискивая глазами среди посетителей свою подругу. И она, действительно, заприметила знакомое лицо. Но это была не Лера. Это была, черт ее дери, блондинистая физиономия Алины – звезды местного масштаба, королевы дел любовных и просто подколотной змеюки по версии всех Линдиных знакомых.

Однажды Алина уже рассорила ее с лучшим другом, заморочив ему голову всякими небылицами. Линда, искренне считавшая ее своей подругой в восьмом классе, поделилась с ней под строжайшим секретом историей о том, как к ней на дискотеке приставал старшеклассник, предлагая всякие непристойности, а потом по всей школе поползли слухи о том, что ей нравятся парни постарше, и что это она сама пыталась его соблазнить. Старшеклассник этим сплетням лишь радостно поддакивал, к чему с удовольствием присоединились и его товарищи. А ее чистое имя оказалось запятнано. Для скромной Линды, которой даже спросить домашку у парня было непросто, случившееся оказалось огромным ударом. Последней каплей стали шутки о ее тайной связи с учителем физкультуры, которые потом переросли в реальные подозрения... В итоге друзья от нее отвернулись, незнакомые ученики стали тыкать в нее пальцами в коридорах, даже Сергей, с которым они были не разлей вода с первого класса, стал стыдиться общения с ней. Из-за постоянно преследующего ощущения позора Линда не могла больше

думать об учебе, оценки скатились до троек, и вскоре родители, хорошенько обдумав ситуацию, приняли решение перевести ее в другую школу, где пришлось адаптироваться заново. А в старших классах, как водится, это оказалось довольно сложно.

Казалось бы, все давно уже выросло. И даже болезненную ситуацию, спустя столько времени, можно было замять, чтобы, по крайней мере, не напоминать о ней и не вызывать пережитые негативные эмоции снова. Как взрослому человеку, Алине следовало бы осознать свой подлый поступок и, если не извиниться, то хотя бы держать нейтралитет. А ведь Линда так и старалась поступить, поняв, что им еще ни один раз придется пересекаться. Но не тут-то было. Таких, как Алина, жизнь ничему не учит. Теперь эта змея не упускала шанса бесстыдно подтрунивать над ней в присутствии Билла в самые неподходящие моменты, заставляя краснеть. То придерется к неудачно подобранному слову, то высмеет ее наряд. Ну нет, больше этой стерве не удастся выкинуть тот же самый финт, не в этот раз! Линда будет держаться максимально уверенно и найдет, что ей ответить. Да и видно невооруженным взглядом, что, как бы ни старалась эта курва, Билл не проявляет к ней абсолютно никакого интереса. Ведь у них совершенно нет ничего общего.

– Линда! Привет, дорогая. – Алина радостно всплеснула руками. – Как поживаешь?

– Да неплохо вроде...

«Давно не виделись», – добавила она мысленно и сделала вид, что отвечает на сообщение в телефоне, чтобы не продолжать разговор, но знакомая не унималась.

– Тут Лера хвасталась, что ты отлично похудела. Но, знаешь, вот смотрю на тебя, а так и не скажешь...

«Лера, блин... Кто тебя за язык вечно тянет?»

– Кстати, классная маечка. У меня похожая была... Года два назад...

Кто-то окликнул Алину, и она все так же весело побежала на зов. Линда ударилась лбом в столешницу...

«Лин... Ты будешь злиться, но тут это, мужик заявился прямо к моей двери, когда я уже собиралась к тебе. Короче, мы помирились. Не могу же я его сейчас выпереть? Ну, надеюсь, ты понимаешь».

Линда поперхнулась коктейлем, прочитав только что пришедшее сообщение. Все, приехали... Мало того, что Лера вытащила ее из теплой комнаты на ночь глядя, причем совершенно без предупреждения, так она тем же манером и слилась, променяв ее на своего Витю, с которым теперь уж «точно никогда». Да еще и эта белобрысая лохудра здесь. Кажется, вечер обещает быть томным...

Через несколько песен, с яростным видом прикончив содержимое бокала, Линда решила посетить уборную. За дверью скрывался небольшой коридорчик, попадая в который, нужно было принять жизненно важное решение: М или Ж. Для нее выбора, как такового, не стояло, поэтому она направилась к дамской комнате, но краем глаза заметила, как мужская рука утягивает Алину в противоположную сторону. «Ну и шлюха». Линда уже в третий раз за день возмущенно закатила глаза и прищелкнула языком. Кажется, это начинает входить в привычку.

Вернувшись за столик, Линда обвела взглядом помещение. Больше никого из знакомых обнаружено не было. Однако ее внимание привлек мужчина средних лет в идеально сидящем костюме шоколадного цвета. Такие гости, хоть и появлялись в заведении время от времени, обычно так и оставались темными лошадками. Знакомства заводили редко, почти никогда не танцевали, и ей нравилось рассматривать их, размышляя, кто они, чем занимаются по жизни, что привело их сюда. Иногда в голове складывались довольно занимательные истории. Барные одиночки обрастали родственниками, бывшими женами, старыми сослуживцами и множеством жизненных перипетий.

Линда тяжело вздохнула, подпирая кулаком подбородок, и заказала бутылку виски и бутылку колы, принимая решение последовать примеру незнакомца и просто хорошенько надраться, раз уж вечер не задался.

Только минут через пятнадцать она осознала, насколько сильно не задался этот вечер, потому что из прохода в уборную в попытках хоть как-то пригладить растрепанные волосы появилась изрядно помятая Алина. А следом за ней с неизменным покерфейсом последовал Билл, ее Билл...

Негодование подкатило к самому горлу, заставляя задыхаться, а затем, дойдя до пика, взорвалось и покрыло все органы внутри раскаленной вулканической лавой, оставляя саднящие ожоги на нежной слизистой. Красные от бешенства глаза неотрывно следили за передвижениями Билла. Но в баре становилось все больше народу, и развратнику в конце концов удалось скрыться из виду.

Линда принялась опустошать бутылку, почти не делая перерывов между выпитыми стаканами и все меньше разбавляя свой виски. И вот, какое-то время спустя, когда уровень напитка и четкости восприятия действительности опустились ближе ко дну, знакомые очертания, теперь почему-то раздваивающиеся, снова оказались в поле зрения. Билл, совсем не замечая знакомую, проследовал к барной стойке. Линда начала тихо пыхтеть, пытаясь успокоиться, когда он развернулся, держа два коктейля в руках.

«Еще и угощает ее, значит, после этого!» Она сложила руки на груди и отвернулась, недовольно уставившись в стену. Наблюдать за этим было выше ее сил. Два стеклянных доньшка стукнулись о крышку стола.

– Привет, красотка. Ты же пина коладу любишь?

Совсем рядом раздался знакомый голос, обжигая ушную раковину дыханием.

– А не слишком ли много красоток за один вечер? – с трудом выговорила Линда, водя пальцем перед носом Билла и слегка покачиваясь.

Затем женская ручка схватилась за один из бокалов и выплеснула содержимое на горчичного цвета рубашку. Билл оцепенел, ошарашенно глядя, как прямо на груди расплзается жирное пятно.

– А чем я это, собственно, заслужил? – еле сдерживаясь, чтобы не накричать, напряженным голосом осведомился он.

– Заслужил или нет, пойдем у твоей стервы спросим!

– Не знаю, о чем ты, но никуда не уходи, я сейчас вернусь.

Ничего не понимающий Билл стянул с себя липкую от сладкого напитка (и немного от собственного пота) ткань и остался в одной майке, направляясь к санузелу, чтобы быстренько застирать пятно, а потом отвезти подвыпившую девушку домой. Все равно в таком состоянии разговаривать с ней было бесполезно.

Тем временем его поддтая золушка, кое-как опираясь на руки, встала из-за стола, и направилась куда-то шаткой походкой. Она вытянула из толпы за светлые волосы свою соперницу, отчего та пронзительно взвизгнула, но звук быстро рассеялся в громкой музыке.

– Думаешь, патлы свои вытравила, и можно чужих парней по сортирам таскать?

Линда изо всех сил толкнула заклятую подругу в сторону так, что та сшибла ближайший столик и оказалась на полу. Глаза Алины чуть не выпрыгнули из орбит от боли и недоумения.

– Э-эй! Девушка! Здесь нельзя драться. Девушка, вам придется покинуть заведение. Вы слишком пьяны, – прервал развернувшуюся баталию чей-то громкий командный голос.

Откуда ни возьмись, к Линде подлетел вышибала, подхватил под руку и стал разворачивать, утаскивая куда-то в сторону.

– Я совершенно трезвая. – Она широко взмахнула второй рукой, невольно выпуская сумочку. Та взлетела в воздух, побуждая стоящих рядом пригнуться и закрыть головы, а по приземлении ее содержимое в виде самых разнообразных женских штучек и повседневных

необходимостей рассыпалось по всему полу. Помада, ключи, салфетки, пудреница, зеркальце, тушь, пробники духов, блокнот с парой ручек, деньги и даже документы, все раскатилось по гладкому полу в разные стороны, находя свое пристанище под диванами, столиками и чужими подошвами.

Вдруг кто-то сжал плечо охранника, удивительно смело отстраняя двухметрового верзилу от виновницы торжества.

– Простите, моя племянница сегодня немного переборщила с выпивкой. Я отвезу ее домой.

– Мужик, что за...? – в недоумении произнесла Линда, поднимая прищуренные, будто глядящие сквозь туман глаза. В мерцании танцпола она с трудом различила приглянувшийся ранее шоколадный костюм, и тут же вырубилась, обмякнув на подхватившей ее под поясницей руке.

Мужчина поднял обессиленное тело и вынес из заведения. Проследовав налево от входа вдоль стены, он подошел к машине, припаркованной за углом в переулке, куда практически не попадал свет, открыл дверцу и уложил девушку на заднее сиденье.

– Не бойся, теперь я никому не дам тебя в обиду, не в этот раз, – шепнул он, аккуратно поправляя ей выбившуюся из-за уха прядь волос, – ты должна быть счастлива.

Мужчина внимательно осмотрел позу лежавшей в отключке девушки. Для сложившейся ситуации она казалась достаточно удобной. Заметил упавшую с плеча лямку маечки, вздохнул, вернул ее на место. Аккуратно закрыл дверцу, убедившись, что не потревожил сон своей новой знакомой. Затем вернулся и сложил обратно в сумочку все найденное на полу содержимое, за исключением блестящего тюбика с помадой, который, повертев, он отправил в собственный карман.

Выходя из туалетной комнаты, в которой, как назло, образовалась толкучка, Билл, обнаружил, что Линды уже нигде нет. Все случилось так быстро, что трудно было поверить в реальность происходящего, и только мокрая рубашка, которую он растерянно сжимал своими длинными пальцами, служила свидетельством, что это ему не привиделось.

Глава 5

*Воскресенье, 21 июня 2020 года, 08:00,
Город N, Чеховский переулок*

Линда со скрипучим мычанием пыталась оторвать лицо от подушки, но казалось, что оно впечаталось туда намертво. У нее непроизвольно дернулся глаз, когда рядом негромко шлепнулась чья-то визитная карточка. Даже этот еле уловимый звук отозвался в мозгу тупой болью.

– Да уж, – протянул отец, с досадой цокнув языком. – А я представлял, что в этом возрасте буду пускать слезу у алтаря, глядя на твое белое платье, а не принимать тебя в зюсю пьяную из рук какого-то сомнительного мужика, кстати, своего ровесника на вид.

Линда в ответ только терла глаза, пытаясь разлепить опухшие веки и размазывая вчерашний макияж, поэтому отец продолжил свою речь.

– Позвонила бы хоть своему спасителю. Или кто он там тебе? Спонсор, папик? Волнуется, наверное, – добавил он иронично.

Линда хотела было разозлиться на колкие замечания, но это требовало слишком большого напряжения. Через секунду она уже подумала попробовать оправдаться, но и того не вышло. Речевой аппарат попросту отказывался складывать звуки в слова, шестеренки в мозгу крутились раздражающе медленно, и все мыслительные усилия так и остались у нее в голове, не увидев внешнего мира. А ситуация начинала казаться настолько абсурдной, что неожиданно Линда прыснула слюной сквозь разомкнувшиеся в истеричном смехе губы.

– Смешно ей, – хмыкнув, пробурчал отец. – Ладно, приводи себя в порядок и выходи в гостиную. Я горячий чай заварю. Полегчает, а потом и поговорим.

Пока отец, неодобрительно покачивая головой, продвигался к двери, в сознании полустертыми отпечатками начали всплывать события прошлой ночи. Бессовестно подставившая подруга, белобрысая ведьма Алина и Билл, выходящие из туалета друг за другом, потом две пина колады, жирное пятно на чужой рубашке, рука, вцепившаяся в высветленные волосы, голос охранника и... (тут сердце вдруг тревожно заколотилось) откуда ни возьмись нависший над ней незнакомый силуэт в шоколадном костюме. Ах, так вот о ком говорил отец. Значит, этот самый мужчина и привез ее домой? Нда, ну и опозорилась она вчера, повезло ей не нарваться на какого-нибудь придурка и оказаться дома целехонькой и невидимой. Хотя... Она на всякий случай расстегнула джинсы и пощупала себя на предмет необычных ощущений в интимных местах. Нет, кажется, все в полном порядке. На руках красовалась пара синяков и царапин, но в этом не было ничего удивительного. То были следы борьбы с Алиной и рук вмешавшегося в разборки вышибалы. «Ничего удивительного?» – Линда переспросила сама себя и вновь глупо хихикнула своим мыслям. Правильно говорят, смех – защитная реакция организма. Ну а как еще справляться со стрессом, когда сама от себя в шоке и не знаешь, как это принять? Кроме того, сквозь чувство беспокойства и стыда прорывались наружу неизведанный ранее азарт и даже приличная доля гордости за то, что на этот раз ей удалось хоть как-то отыграться за все поступки Алины вместо того, чтобы, как обычно, молча проглатывать обиду. «Ну что, получила? Думала, я буду терпеть тебя вечно? Теперь подумаешь лишний раз прежде, чем нарваться», – ликовала ее внутренняя плохая девочка.

Еще немного поворочавшись на кровати, Линда кое-как приподнялась на правом локте, оттолкнулась ладонью второй руки, чтобы привести себя в сидячее положение, и в итоге все же умудрилась встать. Затем, преодолевая головокружение, направилась к зеркалу. Встретившись там со своим отражением, она в ужасе раскрыла рот и схватилась за голову. На нее смотрела опухшая, недолюбленная природой панда с неоднородными черными пятнами вокруг глаз.

Линда срочно принялась тереть лицо влажными салфетками, убирая самые явные следы ночных приключений, а потом потащила в ванную, чтобы умыться водой и нанести охлаждающий гель. Ей, конечно, очень хотелось горячего чаю или кофе, да и в принципе просто пить, но объясняться с отцом она совсем не горела желанием.

Следователь по особо важным делам главного следственного управления СК России по Московской области Андрей Иванович Донских был человеком сдержанным и по-настоящему ругался редко, особенно по делу. Зато поупражняться в остроумии и ненавязчиво пристыдить свою провинившуюся дочь он любил столько, сколько она помнила его своим родителем. В таких случаях Линда, и так чувствующая себя отвратительно, обычно пыталась оправдаться изо всех сил, незаметно для себя становилась чересчур откровенной и рассказывала так много лишних деталей, что потом сама себе удивлялась и отчасти жалела. Было у нее после этого какое-то дурацкое чувство, ну знаете, будто бы пришли к ней воры и ничего не забрали, а она догнала их, да и сама им все отдала, а потом, освободившись от наваждения, сидела в пустой квартире, оглядывалась по сторонам и пыталась понять, зачем. Согласитесь, мало приятного.

«Интересно, это у него профессиональное? Преступники на допросах так же раскалываются или это только меня так легко провести? Лучше бы просто накричал или на домашний арест посадил, в конце концов», – думала Линда, закручивая крышечку тюбика с гелем. Затем пробежалась кончиками пальцев по всему лицу и пару раз звонко шлепнула себя по щекам. В качестве последнего штриха для придания бодрости она состроила зеркалу над умывальником смешную рожицу, выпятив нижнюю губу. Но фокус не сработал. Из-за мыслей о Билле на душе было тошно.

В любом случае гнать их не было смысла, нужно было все тщательно обдумать и расставить по своим местам. Чтобы до этого не умереть от обезвоживания, она наклонилась и сделала несколько глотков прямо из-под крана. За одну ночь произошло слишком много событий, и каждый их участник со всеми своими поступками заслуживал отдельного рассмотрения. С некоторыми еще предстояло поговорить, для кого-то слова уже были лишними, осталось правильно отделить одних от других и подобрать те самые слова. Промочив горло, Линда выдохнула с таким наслаждением, будто в жизни не пробовала ничего вкуснее этой восхитительно пахнущей хлоркой водопроводной воды.

«Надо подышать свежим воздухом и прежде всего подумать, что стоит рассказывать отцу, а что нет».

Она вышла в прихожую, надела длинный светло-бежевый кардиган, накинула на голову капюшон и нацепила солнечные очки. Несмотря на то, что на дворе был конец июня, с утра было немного прохладно, да и похмелье порождало легкий озноб.

Линда вышла за дверь, прошлась вдоль небольшого садика к воротам, открыла их и присела на лавочке рядом с домом. «И все же здесь неплохо», – подумала она. – «Лучше, чем могло бы быть в душной московской квартире. Здесь, по крайней мере, есть сад».

Облицованный деревом домик с небольшим участком в подмосковном городе N, доставшийся отцу от бабушки, не представлял собой ничего примечательного, но здесь было все необходимое для жизни. Линде нравилось, что у нее была отдельная комната и возможность запросто выйти на улицу в любое время суток, а летом район пестрил цветами и зеленью. Даже кое-какие развлечения находились неподалеку, как любимый бар или пиццерия с наивкуснейшей кухней, манящими ароматами выпечки и итальянских специй.

Хоть город был и небольшой, необустроенным его назвать язык бы не повернулся. Молодые люди не стремились сбежать отсюда, как из какой-нибудь глуши, потому что при необходимости за час-полтора можно было добраться до столицы. Напротив, в самом N то и дело открывались новые школы, бассейны, фитнес-клубы, обучающие и медицинские центры, поэтому молодые семьи с удовольствием приобретали здесь жилье. К тому же здесь находился довольно приличный университет. А границы городка постепенно расплзались все шире, и на окраине

появилось несколько дорогих коттеджных поселков, куда переезжали люди солидные и обеспеченные. Их домами можно было залюбоваться, словно они сошли с экранов любимых американских сериалов. Если раньше весь городок можно было проехать из одного конца в другой минут за двадцать, то сейчас из-за увеличения территории и загруженности дорог это могло занять и все сорок, а то и пятьдесят минут.

Пока Линда сидела на лавочке и рассматривала причудливый ствол дерева напротив, ее мысли никак не хотели приходить хотя бы в какое-то подобие порядка, бесконечно путаясь и заходя в неведомые дебри. Сосредоточиться на главном не получалось.

Вдруг на голое колено приземлился белый воздушный парашютик, щекоча кожу. Она никак не могла вспомнить название растения, которому принадлежали такие семена, но в голове проявились картинки из детства, когда они с подружками наперегонки бегали за этими пушистиком, а поймавшая счастливица загадывала желание. Тут же во взгляде озорным огоньком загорелось желание поймать. Линда попыталась цапнуть этот лохматый комочек, но слишком резкое движение только всколыхнуло воздух и сдвинуло его с места, заставляя взлететь.

– Ах вот ты какой, – захихикала она и вскочила с места, снова стараясь схватить непослушную пушинку, как маленького пугливого зверька, но та никак не поддавалась.

Линда пыталась еще раз и еще, так ведь хотелось загадать хоть какое-нибудь желание (придумать его можно и потом), пока совершенно неожиданно не уткнулась лбом в чью-то грудь. Когда она подняла глаза, от игривой улыбки на лице не осталось и следа. Перед ней стоял Билл.

– Выглядишь не очень, – поддил он керосина в топку.

В уме пронеслись вчерашние события, и ее руки, оказавшиеся на чужой замшевой рубашке, вдруг заколотились в подобии эпилептического припадка.

– Совсем стыд потерял? Как тебе совести хватает приходить сюда? – отталкивая от себя, выкрикнула она.

– Да что я такого сделал-то? Может, уже объяснишь? Это ты мне вообще-то вчера новую рубашку загадила ни с того, ни с сего.

– Пф... Ни с того ни с сего, значит! Рубашку, значит! Посмотрите на него, прямо сама невинность! Уходи отсюда, и чтобы я тебя больше не видела.

Шаркнув ногой в домашних тапочках, Линда развернулась и дергано зашагала к воротам, забежала в дом и с яростью захлопнула дверь за собой. Выглядела вся сцена довольно комично, но Биллу было вовсе не до смеха. Он сдержался вчера от того, чтобы на нее наорать, сегодня, вопреки здравому смыслу, притащился сюда, чтобы выяснить, по какой такой причине был публично унижен и запятнан. А в итоге на тебе! «Привет, пошел на фиг».

– Ну, ну и пожалуйста! – больше не сдерживаясь, заорал Билл, мысленно проталкивая звуковую волну в уже закрытую дверь, будто она могла пробуравить ненавистный кусок дерева насквозь. – Сама же ко мне приползешь. Вот ненормальная!

Голос спотыкался на согласных и пропускал паузы из-за растерянности.

Билл сделал несколько быстрых шагов прочь от негостеприимного дома, остановился на секунду и тихо добавил. – Я, между прочим, волновался.

Затем он снова сорвался с места, и, передвигая ногами все быстрее, вскоре совсем исчез за поворотом.

Линда пробежала через прихожую, совершенно забыв, что только что скрывалась от отца, и опять оказалась одна на кровати в своей комнате. Она сидела на самой краешке и с силой сжимала матрас в ладонях, слишком быстро дыша. Затем, немного успокоившись, Линда наклонила голову и двумя пальцами подцепила визитку, лежащую на подушке. «Брин Егор Александрович, дизайнер мебели», – гласила лаконичная надпись на ней. Глаза быстро

скользнули по аккуратному и легко читаемому шрифту, отмечая про себя, что оформление и содержание карточки уже являлось отражением стиля ее обладателя. Тщательно подобранные цвета, минимум отвлекающих деталей, никакой излишней вычурности. И все же глазам хотелось задержаться и немного отдохнуть на ее матовой поверхности. Отец прав. Надо позвонить и поблагодарить мужчину за джентльменский поступок, кем бы он ни был. Пальцы потянулись к смартфону и неловко набрали на дисплее номер телефона с визитки. Линда сглотнула слюну, откашлялась и замерла в ожидании ответа. После пары гудков в трубке отозвался бархатный голос:

– Да. Я вас слушаю.

– Егор Александрович, это Линда. – Она на мгновение задумалась. – Ах, вы же не знаете моего имени. Вы подвезли меня вчера домой из клуба, – добавила она после паузы.

– Да, Линда, я прочитал в паспорте. Рад слышать. Как ты себя чувствуешь?

По оживленному голосу собеседника стало понятно, что тот заулыбался. Видеть его для этого было необязательно.

– Спасибо. Я в порядке. Но мне очень неловко. Я просто хотела сказать вам спасибо за то, что вы так благородно поступили. Это было очень неожиданно со стороны незнакомого человека.

– Ну что ты, не стоит. Благо у тебя были в сумочке документы, и я смог отвезти тебя домой, а не в полицию, – голос в трубке по-отечески тепло рассмеялся. – В следующий раз лучше не выпивай одна.

– Даже если и в полицию, не страшно, все равно мой... – Линда хотела было пошутить про своего папу-следователя, но осеклась, понимая, что это лишняя информация. – В общем, я вам действительно очень благодарна. Если нужна будет помощь, всегда обращайтесь. Сделаю все, что в моих силах.

Собеседник общался с ней неформально, что Линду, честно говоря, немного корбило, но она не могла себе позволить легко перейти на «ты» с мужчиной намного старше себя, как и не могла решиться попросить обращаться к ней на «вы».

– Спасибо, не стоит беспокоиться. Вот только у меня осталась твоя помада. Дорогая, наверное. Я подобрал, когда ты выронила ее из сумочки, и машинально сунул в карман. Если ты не против, я могу заехать за тобой, когда будешь свободна. Опрокинем по бокальчику, расскажешь, что тебя вчера так вывело из себя, и заберешь свое заодно.

Линда сначала немного замешкалась. Предложение оказалось несколько неожиданным. Но все же склонялась к тому, что отказывать в такой ситуации крайне неудобно. Линде вообще было трудно отказывать людям в просьбах, особенно тем, кто когда-то помогал ей самой или делал одолжения. Она чувствовала себя обязанной. Считала, что доставила человеку неудобства. Именно поэтому она старалась по-возможности все делать сама и ни о какой помощи никого не просить. Но вчера все карты сложились сами собой. Кроме того, мужчина вызывал доверие и своей вежливой речью, и, конечно, поступком. К тому же, помада, купленная папой к выпускному, была ей действительно дорога. Она напоминала, что даже такие ненавистные вещи, как обучение на нелюбимом факультете иногда заканчиваются маленькими приятными сюрпризами.

– Подожди, подожди, зайка, сейчас договорюсь и помогу тебе достроить домик.

Голос в трубке, прервавший размышления, обращался уже не к ней. Она не слышала второго участника беседы, но по содержанию фразы и интонации поняла, что разговор шел с ребенком. Линда любила детей, и люди, которые хорошо ладили с ними, автоматически получали к ее личной оценке несколько бонусных баллов. Так что теперь она совсем смягчилась.

– Хорошо. Почему бы и нет. Я могу вам отправить сообщение, когда буду свободна?

– Да, конечно. Я буду ждать.

На этом собеседники попросились. «Если бы он хотел со мной сделать что-то плохое, он бы сделал это еще тогда, а не повез домой, правда?» – мысленно спросила она себя и сама же с собой согласилась. Конечно же, зря она переживала, на самом деле ей несказанно повезло встретить такого замечательного человека в этой дыре, иначе еще неизвестно, чем бы вся заварушка закончилась. Линда дала себе пару секунд, чтобы окончательно набраться смелости, сделала глубокий вдох и встала с кровати, намереваясь отправиться на кухню.

Втягивая носом ароматный пар, поднимающийся от кружки с горячим чаем, она рассказала отцу всю историю от начала и до конца. Она решила, что все-таки нет смысла пытаться утаить отдельные детали от следователя со стажем, коим являлся ее отец. Особенно в таком состоянии, когда и в правде-то запутаться казалось легче легкого.

– И с чего же ты взяла, что именно Дима... то есть Билл проводил время с твоей зачатой подругой в клубном сортире? – не выбирая выражения, как водилось у них в личных разговорах, воскликнул отец и звучно глотнул крепкого сладкого чаю.

– Как с чего? Они же вышли оттуда друг за другом! – Линда медленно проговорила или, вернее сказать, продиктовала все слова в последнем предложении, будто пытаясь втемяшить правило в пустую голову двоечника.

– Видишь ли, дочь... Для мужчины вполне естественно выйти из мужского туалета, если задуматься. Мужской туалет, вышел мужчина. Все логично. К тому же, не задумывалась ли ты, что настоящие любовники очень вряд ли покинули бы место преступления с таким маленьким временным интервалом, тут же выдавая себя с потрохами перед всем клубом. Смею предположить, что счастливчик оставался внутри еще некоторое время после того, как твоя Алина покинула помещение. Я ведь правильно понял, что ты не видела их выходящими из одной и той же кабинки?

Линда отрицательно замотала головой, так и не откусив от протеинового батончика, который только что открыла и поднесла ко рту. Хотя этот саркастично-поучительный тон по отношению к ней иногда немного подбешивал, она все равно любила наблюдать за отцом, когда тот строил гипотезы. Он слегка хмурил брови, смотрел куда-то в пространство и выглядел очень круто. Не хватало только прикурить трубку, надвинуть на лоб стильную кепи и устроиться в кресле-качалке возле камина. Его предложения становились сложноподчиненными и довольно длинными, поэтому нужно было слушать внимательно, чтобы не потерять нить.

– Не видела, значит. Так я и думал. А это у нас уже называют бездоказательное обвинение. Более того, ты своими руками испортила имущество беспочвенно обвиненного тобой человека и объявила ему бойкот в качестве наказания. Другими словами, свершила над ним самосуд, и не то чтобы извиниться, даже выслушать его не подумала, – закончил Андрей Иванович.

Умел он донести мысль до дочери доходчиво. Наконец, Линда действительно всерьез задумалась. Вспомнила недоумевающий взгляд Билла, залитого сладким, липким коктейлем, а еще сегодня перед домом... Он и вправду выглядел удивленным, и, кажется, даже немножко разозлился. Может, он, на самом деле, оказался незаслуженно обруган?

– Начало доходить теперь? – поинтересовался отец. – По-моему, если здесь кому-то и стоит сделать шаг к примирению, то она сидит передо мной... А поступок Билла, учитывая рассказанное тобой, заслуживает уважения. Думаю, только благодаря тому, что вы с детства друг друга знаете, ему хватило терпения и понимания, чтобы прийти сюда и попытаться продолжить общение с тобой. Только посмотри на свое поведение со стороны.

Щеки Линды внезапно залил пунцовый румянец. Она действительно красочно представила себя чужими глазами – глазами того, на кого всегда пыталась произвести наилучшее впечатление, и теперь ей стало совсем не по себе. К тому же смущало, как очевидно отец намекал на то, что ее симпатия к Биллу была взаимной.

Он мягко похлопал свою такую еще несмышленную малышку по макушке. В глубине души он желал парочке счастья, хоть и никогда не говорил этого прямо.

Соседский мальчишка с самого начала пришелся ему по душе, напоминая себя самого в юности. К тому же, полковник хорошо знал его непростую историю. Родители мальчика попали в страшную автомобильную аварию и скончались на месте, когда тот был совсем еще ребенком. Несколько месяцев он провел в детдоме, пока сжалившаяся над любимым подопечным учительница английского обегала все инстанции, пытаясь оформить документы на усыновление, и в итоге все-таки пошла по пути наименьшего сопротивления, заключив фиктивный брак с преподавателем труда. Отчаянный поступок оказался судьбоносным и перерос со временем в уважение, а затем и в большую любовь, породив новую счастливую ячейку общества. Но все же, несмотря на максимально благоприятный из возможных исходов, трагедия, через которую пришлось пройти мальчику, отпечаталась в его характере незаживающим шрамом. С тех пор доселе невероятно жизнелюбивый ребенок разучился радоваться громко, показывать свои стремления и открыто выражать мысли, будто боясь потерять нечто важное, не веря, что в этой жизни что-либо может по-настоящему принадлежать ему. Уже выросший парень, может, порой и вел себя вызывающе, ребячливо, непредсказуемо, глупо, но, по заключению следователя, уж точно никогда не был злым или подлым человеком.

Глава 6

*Воскресенье, 21 июня 2020 года, 09:24,
Город N, улица Лобная*

«Ну блин, я же не ставила будильник», – пронеслось в голове у Леры, когда она сквозь сон почувствовала повторяющиеся вибрации и странный звук, напоминающий то ли мурчание, то ли тихий рык. Она зажмурила глаза и изо всех сил попыталась заснуть обратно. Безрезультатно. Тогда Лера обиженно хлопнула по подушке ладонью и без всякого энтузиазма разлепила глаза. Тут до нее дошло, что она находится не у себя дома. С сероватого потолка над ней свисала массивная старомодная люстра, по форме напоминающая дирижабль, которая, казалось, все приближается и вот-вот грохнется прямо ей на голову. Поэтому она на всякий случай отодвинулась сантиметров на десять вправо и тут же наткнулась на что-то теплое. Ну конечно, они же вчера помирились с Витей и после недолгой прогулки решили завалиться к нему. В небольшой однокомнатной квартире стоял слабый запах табака. Но не потому что кто-то из них курил, а потому что Витя разрешал своим друзьям курить на кухне, и пропитанные дымом обои были одним из любимых Лериных поводов поворчать.

Это он был источником звука. Из приоткрытого, подрагивающего рта и доносилась та самая «мелодия будильника». Но еще рядом неподалеку тоже что-то тихонько жужжало. Забавно, однако, он храпит. Лера принялась разглядывать своего спящего парня. Какое же у него нелепое выражение лица. Он и во время бодрствования, по ее мнению, красотой не блистал. Первое впечатление, которое он произвел было «странненький какой-то». Нос слишком курносый, брови какие-то лохматые, губы тонковаты, не как ей нравится, и зачем вот тут сбоку на носу такая большая родинка? Не мужчина ее мечты, конечно. Но хотя бы держит себя в форме, да и пока будешь ждать принца на белом коне, недолго и состариться, так что лучше уж наслаждаться тем, что дают. Честно говоря, и сама себя писаной красавицей она никогда не считала. Эти жесткие непослушные волосы со ржавой рыжиной, вечно торчащие завитки, которые не поддавались никакой укладке, крупный нос с канашками, будто все время чем-то перемазанный. Она старалась трезво оценивать свои шансы заполучить сногшибательного красавчика. А Витя был отнюдь не самым худшим вариантом, и со временем она прониклась к нему, находя все больше плюсов в их отношениях, даже скупала во время ссор.

Вот, например, когда приходится менять ценники в магазине в ночную смену перед распродажей, он ее встречает, а остальные девчонки едут домой одни. В этот момент по их лицам видно, как их просто разрывает от зависти. Ну разве не удовольствие? А еще он купил ей те удобнейшие босоножки с широкими перемычками из мягкой кожи, которые она отложила себе до следующего этапа распродажи, когда скидка будет побольше, и легкие кеды. И вот она их уже пару раз надевала, а могла бы так и потеть в кроссовках.

Что особенно ценно, он смеется над ее шутками и всегда поддерживает любой кипиш, если есть время. Например, на прошлой неделе они нашли огромного колорадского жука рядом с чьим-то участком, назвали его Васей, посадили в банку с дырочками и устроили ему экскурсию с фотосессией в лучших местах города. Витя взялся побыть фотографом, а она отвечала за то, чтобы фотомодель не удрала или не упала, придумывала локации и атрибуты. Вот ржака была. Самой опасной локацией оказался пруд в парке, куда они отправили Васю путешествовать под парусом на импровизированном корабле из крышки от Нутеллы и коктейльного зонтика. Хотя и длилось путешествие всего пару минут, навизжаться Лера успела знатно, когда внезапный порыв ветра погнал судно с их приятелем прочь от берега, а Витя угодил одной ногой в воду прямо в обуви, спасая потерпевшего. Ну а может оно и к лучшему. Хотя что-то заставило его снять носки из-под сандалий. Вечером они разожгли костер в лесу, поджарили на

нем колбаски, попили пивка и отпустили Васю на природу, произнеся трогательные прощальные речи. Было весело.

Много ли таких парней, которым идея показалась бы забавной? А вот ей такие штуки очень помогли разгрузить мозг. Вроде ерундой маешься, а прикольно. Расслабляешься полностью и отдыхаешь от всех головняков. Как бы это назвать? Компаньон по дурацким затеям? Дурканьон? Даже само слово получилось каким-то дурацким, и от этой мысли Лера чуть не рассмеялась вслух, но вовремя закрыла рот рукой.

Она вспомнила день их знакомства. Уже было пора закрывать магазин, но один покупатель все не отставал, расспрашивал ее, что ему идет, что нет. Никак не мог подобрать рубашку к своим брюкам. Заставил принести ему и перемерил половину ассортимента, но в итоге так ничего и не купил. Ох, как она тогда разозлилась, еле сдерживалась, чтоб его куда-нибудь не послать. Клиент все-таки. А на следующий день он вернулся и купил целых две рубашки, которые она похвалила. Сказал, что ему нужен номер ее телефона, потому что только ее вкусу он теперь доверяет. Врун! Сейчас-то совсем ее не слушает, ходит в чем попало. Она хоть старается принарядиться перед встречей, а ему как будто совсем все равно.

На этом этапе размышлений она заметила, что на лоб Вите приземлилась маленькая черная мошка. Лера попыталась ее сдуть, но та никак не хотела улетать. Тогда она попробовала смахнуть ее пальцем, но не рассчитала траекторию движения и случайно царапнула кожу молодого человека ногтем.

Тот вздрогнул и резко распахнул глаза с ошеломленным видом, приподнял голову, огляделся по сторонам и остановил взгляд на Лере, которая с перепугу уже прикрыла лицо руками.

– Ну и что ты делаешь? Человеку поспать не даешь, – простонал он раздраженно. – Нельзя подождать было, когда проснусь?

– Да я мошку хотела смахнуть.

– Мошку, блин. Ну-ну, – проворчал он, переворачиваясь на правый бок. – Лучше бы кофе приготовила, раз не спишь.

– Я тебе что, прислуга? – спросила Лера с вызовом.

– При чем тут прислуга? Ты моя женщина. Можешь ведь за мной поухаживать? – сказал он куда-то в стену, все еще лежа к Лере спиной.

– А ты, знаешь что? Знаешь? Как мужчина, мог бы и кровать поудобнее купить, спать тут невозможно, кажется, скоро развалится. Вот. Ты же не нищоброд, мог бы уж свой угол нормально обставить. Или это тоже не по мужской части?

– А это тут еще при чем? Опять начинаешь придирается на пустом месте? – поинтересовался он и приподнялся на кровати, разворачиваясь к Лере. На этот раз уже голос зазвучал озлобленно, потому что в память непрощено ворвалось приличное стадо из всех предыдущих недопониманий, болезненно врезавшись во все еще воспаленное чувство самолюбия, задетого не впервые. Кровать предательски скрипнула.

– Вот видишь!

Лера ткнула пальцем в матрас под ним.

– Кровать разваливается, обои вонючие, люстра отстойная и я нищоброд. Зачем ты вообще сюда пришла? – взорвался наконец Витя.

– Что сказал? Вот как мы теперь базарим! Зачем пришла, значит? А не ты ли меня вчера сам приволок? – Лера истерично тараторила, размахивая руками.

– Как приволок, так и выволоку!

– Ну вперед! – выкрикнула Лера, окончательно закипев.

Витя замер молча, подумав, что, кажется, он слегка переборщил и, кажется, зря.

– Заткнулся? Молодец. Я сама свалю. Не провожай.

Лера слезла с кровати и принялась стягивать с себя Витину футболку. Вывернув в процессе наизнанку, скомкала ее и попыталась швырнуть ему в лицо, но тот перехватил смятый комок на лету.

– Что, серьезно? Уйдешь из-за такой ерунды?

– Так это еще и ерунда? Я пойду, а ты подумай своими примитивными мозгами получше в другой раз, стоит ли припираться ко мне домой. Мне такое нафиг не случилось. Вечером – добро пожаловать, а утром – проваливай. Офигеть просто! За кого ты меня принимаешь? С ума сойти! Король скрипучей кровати нашелся... Все, бывай!

Она торопливо натянула свои джинсы и футболку, вышла в прихожую, запрыгнула в кеды, сняла с вешалки джинсовку и сумку и завершила сцену, с грохотом хлопнув тяжелой входной дверью на прощанье. Спешно сбегая с пятого этажа вниз по лестнице многоквартирного дома, она пыталась решить, кто же все-таки на самом деле был виноват, но никак не могла найти ответа. Срочно нужна была помощь Линды... Ах, она же не очень красиво поступила с ней вчера. Надо это как-то исправлять.

– Привет, я тут это... пирожные принесла, – объявила Лера, стоя на пороге перед открытой дверью в дом Линды, и приподняла руку с белым шуршащим пакетом в доказательство своих слов.

Ее футболка выглядела изрядно помятой, волосы наспех собраны в пучок. Недолго мешкая, она поднесла пакет практически вплотную к лицу хозяйки дома, но Линда только неодобрительно хмыкнула.

– Но я не ем пирожные. Я на диете, уже миллион раз тебе говорила, – холодно отрезала она.

– Ну... Значит, я съем. А ты чаю попей, – проговорила Лера, отталкивая ее плечом и протискиваясь в дверной проем.

«Мда, такой наглости можно только позавидовать», – подумала Линда, и хоть вслух говорить этого не стала, состроила такую физиономию, что все по ней можно было прочесть и без единого слова. Чего только стоил этот грозно поджатый уголок губ с левой стороны... Но Лера упорно продолжала делать вид, что все в порядке.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – Линда задала вопрос подруге, пока та как ни в чем не бывало пристраивала свои кеды на стеллаж для обуви.

– По поводу? – с притворным недоумением отозвалась Лера.

– Насчет вчерашнего.

– Линдос, ну ты чего, ну я же извинилась уже. Я пойду руки помою и мигом на кухню, поставлю чай, ага? Мне столько надо тебе рассказать...

Пользуясь тем, что у Линды временно закончились слова, и она пребывала в недоумении от происходящего, Лера быстренько скинула джинсовку, нацепила тапочки для гостей и прошмыгнула в ванную комнату вместе с отвергнутым пакетом пирожных.

– Помнишь же, что я тебе про Витю говорила? Что мы вчера помирились? Так вот, мы опять разосрались! – она выкрикнула последнее слово погромче, чтобы подруга наверняка смогла уловить суть дела.

Голос из ванной прозвучал немного искаженно, будто кричали в банку. Потом, уже потише, Лера добавила еще что-то, но речь перекрывалась шумом воды. Она взяла с полки бело-голубой тюбик и от души выдавила зубной пасты на палец, чтобы смешать с водой и прополоскать рот, потому что сбежала от Вити, не почистив зубы, и несвежее дыхание мешало прежде всего ей самой. Получившийся эликсир слегка пощипывал язык, а от сильного мятного запаха нос будто бы сразу задышал свободнее. Остатки вчерашнего макияжа были стерты влажными салфетками еще у подъезда. Помыв и промокнув руки и лицо полотенцем, она проследовала на кухню, где наткнулась на Андрея Ивановича.

– Ой. Андрей Иванович? А вы что тут делаете? То есть... здравствуйте.

Лера слегка покраснела от понимания, что папа Линды слышал ее речь и попыталась припомнить, не использовала ли она слишком не подходящих слов. Она была удивлена, потому что раньше застать его дома можно было не часто. Не то чтобы она боялась Андрея Ивановича, но его вид приводил ее в некое благоговейное оцепенение. Она даже, сама того не ожидая, слегка поклонилась.

– Ну, если сразу перейти к сути, то я тут живу, – невозмутимо отозвался следователь и улыбнулся.

– Да, ну конечно. Я не это имела в виду, просто...

Лера все еще стояла в дверях.

– Да понял, понял. Заходи, присаживайся. Чай пить будем.

Андрей Иванович сопроводил приглашение зайти соответствующим жестом. Лера сделала несколько шагов вперед и неловко положила пакет с пирожными на стол.

– Ну что? Рассказывай, как дела, что нового? Слышал, ты с Витей поссорилась... Линда вот тоже поругалась с Биллом этой ночью.

Лера повернула голову ко входу, где уже стояла Линда, и подозрительно приподняла бровь. В уме тут же образовалась уйма любопытных вопросов, но ей не очень хотелось обсуждать подобные темы втроем.

– Ну ты же чай хотела попить? Поставишь чайник? А то он уже, кажется, остыл, – перевела тему Линда, спасая ситуацию.

– Да-да, конечно.

Лера засуетилась, встала со стула и нажала на кнопку электрического чайника, а потом потянулась к верхней полке светлого в крапинку кухонного шкафа, где стояла посуда.

– А где твоя кружка, Линдыч?

– Да вон, в раковине, я уже попила чай. Но можешь мне еще налить... в любую. Пить очень хочется.

– Не удивительно... А я больше не буду, пожалуй... напился, – предварил вопрос Андрей Иванович с ироничной усмешкой.

– Андрей Иванович, а мне вчера Витя кое-что рассказал, может вы в курсе? – неожиданно вспомнив удивившую ее новость, решила полюбопытствовать Лера.

– Что же?

– Говорит, у двоюродного брата мамы его друга в прошлом месяце пропала девушка. Живут они в нашем городе. Должны же вы были слышать об этом?

Андрей Иванович, конечно, слышал, хоть и трудно было сказать, о какой именно девушке речь. Заявления о пропажах – явление не редкое. Далеко не всегда такие дела становятся уголовными и доходят до следственного комитета. Часто люди возвращаются сами, иногда их находят, обзвонив знакомых, больницы, вытрезвители. Вполне возможно, что эта знакомая знакомых уже нашлась. Но за последние пару месяцев, действительно, с некоторым промежутком во времени стало известно о пропаже трех девушек, которых до сих пор не нашли. И на данный момент были основания полагать, что это не просто совпадение, между ними есть связь. Он занимался этим расследованием, но предпочитал не обсуждать такие вопросы в домашних разговорах, тем более при гостях, поэтому заволновался. При его работе каждый раз выкладывать все начистоту означало бы постоянно держать близких в напряжении. Хотя, после сегодняшних событий он был уже в шаге от серьезного разговора с Линдой. Ее ночные похождения пора было прекращать.

– О, как все запутано. Девушка двоюродного брата кого, говоришь? – переспросил он, стараясь поддерживать непринужденную интонацию.

– Девушка двоюродного брата его мамы, мамы Витинового друга, в смысле, – ответила Лера с паузами, вдумываясь, все ли правильно. – Вроде так. Девушка двоюродного дяди, получается. Да не важно. В общем, кто-нибудь недавно пропал?

– Ну, эм...

В эту секунду раздалась мелодия звонка телефона, что искренне обрадовало следователя, поэтому он охотно схватил аппарат.

– Да-да. Я уже подъезжаю. Понял. Хорошо.

Его голос сразу же стал очень серьезным и несколько взволнованным.

– Ладно, девочки, некогда мне тут с вами рассусоливать. Вы пообщайтесь в спокойной обстановке, а мне надо ехать. Долг не ждет.

Следователь вскочил со стула и быстро вышел из кухни, оставив подруг наедине. Тогда Лера открыла пакет с гостинцами и поставила рядом с чашкой Линды маленькую коробочку с лакомством.

– Я же сказала, что не ем пирожные! У тебя что, память как у рыбки Дори?

– Кого-кого?

– Ты что, мультфильм «В поисках Немо» не смотрела?

– Ой, и сдались мне твои мультики. Только мозг от них разжижается. Ты бы лучше хоть прочитала что-нибудь. Вот например, что на коробочке написано.

– Соблазнить хочешь? Даже если это мое любимое, я не бу...

Линда опустила глаза и зацепилась взглядом за надпись «Низкокалорийный кекс. Без сахара». Губы непроизвольно растянулись в улыбке. Ей стало приятно, что подруга все-таки помнила и позаботилась о ней.

– Ау, это так мило. И что ты сразу-то не сказала?

Она сделала паузу и приступила к распаковке коробочки, предварительно прочитав состав.

– И протеина тут много... Здорово. Где купила?

– Да тут магазин здорового питания попался возле Витинового дома. Пойдем сходим как-нибудь вместе.

– Так что там с Витей? – поинтересовалась Линда уже с нейтральной интонацией. Она откусила кусочек кекса с шоколадной крошкой и запила его глотком чая. – Ммм, как вкусно! – неразборчиво, но очень восторженно воскликнула она.

– Так что там с Биллом? – парировала подруга.

Линда еще раз пересказала события прошлой ночи, но уже более красочно и эмоционально, чем отцу до этого. Лера сидела, подперев подбородок рукой и слушала на удивление внимательно, забыв про чай.

– Ну ты, мать, даешь! Вот это шоу ты вчера устроила, – выдохнула она, когда Линда закончила. – Блин. Даже обидно, что я столько всего пропустила. А я-то думаю, почему Андрей Иваныч не на работе до сих пор... Волновался, значит.

– Да прям, волновался... Просто выдалась пара свободных минут, скорее всего, – отмахнулась Линда, которая уже забыла про свое негодование и говорила с Лерой тепло и непринужденно, как если бы это была ее родная сестра.

– Слушай, ну а если серьезно... Только без обид, лады? Надо было все-таки Билла выслушать. Не стал бы он сюда приходить, если б все было так, как ты думаешь.

– Да какие обиды... Я уже и сама это понимаю. Отец примерно то же самое сказал, – ответила Линда грустно и, подумав, отпила еще немного чаю. – Ну а у вас с Витей что произошло?

– Ну, даже не знаю... После твоей истории тут и рассказывать нечего. Посрались то ли из-за мухи, то ли из-за люстры, а может из-за кровати... Хрен поймешь этих мужиков.

Лера загадочно стрельнула глазами в потолок и приложила руку ко лбу, стараясь жестами походить на экзальтированную светскую даму. Все это сомнительно сочеталось с фразой «хрен поймешь этих мужиков». Но обе девушки засмеялись.

– Кстати, не поделишься расческой? А то я в каком виде проснулась, в таком и вылетела пулей оттуда.

– Да уж, вижу. Сейчас принесу, подожди.

Линда вышла, чтобы взять расческу в своей комнате. А Лера кое-как размотала и стянула резинку, попутно выдрав пару безнадежно запутавшихся волос, и затем стала пальцами разбирать свою непослушную шевелюру на пряди, чтобы расчесывать ее впоследствии было не так больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.